

Глава 16. Дело о разводе (продолжение следует)

В тот же самый день, после ужина, госпожа Сяо задержала Шаошан, уже рассчитывающую пойти искать старшего брата, чтобы продолжить задавать вопросы и поболтать об обучении в университете, заведя с ней разговор о том, что следует пойти и поприветствовать прибывших людей семьи Гэ. Шаошан понимала, что лучше не класть голову под топор, а втянуть ее в плечи, не позволив себя ударить, поэтому тотчас же откликнулась. Откуда же ей было знать, что в домике, где поселили гостей, не было ни старого господина Гэ, ни дяди Гэ, а только Чэн Ян лежала ничком на коленях тети Гэ и тихо всхлипывала.

-...тетя, возьмите меня с собой, я хочу вернуться. Я хочу вернуться домой, я хочу вернуться домой!

-Ай, глупая Ян Ян, здесь твой дом, здесь твои родители и твоя семья...

От этих слов Чэн Ян зарыдала еще сильнее:

-С детства тетя воспитывала меня в уважении и преданности к родителям, отец одинок, и я могу заботиться о нем хоть немного. Однако мама, мама, она ... уже на второй мой день в семье Чэн, она прогнала Няоня, я потом слышала, что Няоня чуть не умерла из-за этого! И за все время с тех пор, она не сказала мне и пары слов, ежедневно только и знала, что чрезмерно баловать Оу`эра, упрекать отца, при бабушке сплетничать о старшей тете, планировать какие-то подлости, мне, мне действительно очень и очень стыдно... Я не могу больше оставаться здесь. Тетя, отвезите меня домой...

Сердце тети Гэ сжалось от боли, слушая ее. Чэн Ян была еще младенцем, когда ее принесли в их дом, и она стала ее нянчить. В то время у нее еще не было внуков, а старшие дети уже выросли, и эту крохотную девочку она вырастила как свою кровь и плоть. С самого начала ее детского лепета и до того момента, когда она уже твердо стояла на ногах, с малых лет, ее, милую и понимающую, добрую и скромную, она любила больше жизни.

Она сказала сквозь слезы:

-Ян Ян, послушай свою тетю, в семье Чэн твое будущее...

Прежде, чем она закончила говорить, Чэн Ян перебила с плачем:

-Я не хочу такое будущее, я хочу быть с тетей и дядей!

Госпожа Сяо вздохнула, спешно позвала служанку, чтобы та уведомила о ее прибытии.

С другой стороны Шаошан про себя подумала: ага, оказывается, прежде Чэн Ян и Чэн Шаошан знакомы не были, а ведь это действительно превосходная новость. Войдя в комнату, Шаошан увидела, как тетя Гэ и Чэн Ян очень быстро вытирают слезы и пытаются привести в порядок одежду и выражения лиц, госпожа Сяо уселась с таким видом как будто не видела весь этот беспорядок, поздоровавшись с ними, приветливо улыбаясь. Сидя на коленях с обеих сторон напротив друг друга, они обменялись несколькими приветственными словами. Шаошан только тогда узнала, что достигший преклонного возраста и слабый здоровьем старый господин Гэ раньше обычного ушел уже отдыхать, однако дядю Гэ отец Чэн потащил за собой

за чаркой с вином вспоминать старую дружбу.

Утянуть пить вино родственников жены второго брата, только-только согласившихся на развод по обоюдному согласию, – на такое дело был способен лишь ее муж. Госпожа Сяо мрачно выругалась сквозь зубы, но на лице ее сохранилась все та же легкая улыбка, попутно она поторопила дочь выполнить долг вежливости – спросить о здоровье. Шаошан спешно вытянула из себя все, чему ее обучали все эти дни – согнув обе руки в локтях и разведя их в стороны, одним махом упала ниц, очень почтительно отвешивая поклоны, приветствовала сложением рук и головой; вспомнилось, что семья Гэ сознательно прихватила с собой подарки к Новому Году, подумала, что вежливостью ничего невозможно испортить.

После того, как тетя Гэ получила свое приветствие, само собой разумеется, последняя стала превозносить ее, вот только она хвалила, делая упор на внешность, приветственные жесты и позу Шаошан, что-то остальное – цинь, шахматы, каллиграфию, живопись, руководство домашними, управление слугами – такие традиционные способности скромной девушки она весьма заботливо, но все же не упомянула.

–Наша семья, золовка...

Сначала тетя Гэ подумывала опять извиниться еще несколько раз за поведение Гэ-ши, откуда же ей было знать, что только-только начав, госпожа Сяо немедленно ее перебьет, прямолинейно сказав:

–Старшей сестре нечего и говорить об этом – мы две семьи, живущие по соседству, что же может быть непонятно. Неужели старшая сестра сама не пострадала от нее? Невестка сама мать, однако невозможно ее избить, даже если она и заслуживает этого, остается лишь штраф и его как раз можно наложить. Старшая сестра, ты также понесла ущерб от ее действий, и тебе незачем что-то говорить!

Тетя Гэ вздохнула, сказав со смыслом:

–Мое наказание закончилось быстро, затем она вышла замуж в вашу семью, и подошла очередь мучиться вам.

Госпожа Сяо покачала головой с улыбкой:

–Теперь ее старый господин отвезет домой, и ты снова получишь свое испытание. На самом деле я всё же виновата перед тобой.

Тетя Гэ помахала рукой, говоря с улыбкой:

–Стара я для всего этого, разве она может еще помыкать мной? Перед самым отъездом свекор уже отдал распоряжение людям чтобы они привели в порядок соседское поместье, она останется в нем после нашего возвращения и будет тщательно развивать свой характер и его целостность!

Гэ-ши пока что считала себя все той же драгоценной девушкой и сокровищем, дочерью семьи Гэ.

Госпожа Сяо вспомнила, как сегодня среди бела дня дядя Гэ в гневе дал ей пощечину, немного покивала головой, соглашаясь:

-Вот и хорошо.

Эти два человека, переминая косточки Гэ-ши, с одной стороны, а с другой еще одновременно посматривали на сидящих рядом двух девушек. Едва только Чэн Ян услышала, как принялись обсуждать ее родную мать, смутившись, положила обе руки на колени и так низко опустила голову, что почти касалась ею пола, однако Чэн Шаошан была спокойна и невозмутима, и не было гнева в ней, и не радовалась она в мыслях чужой беде. Наклонив голову, сначала пристально разглядывала обстановку этого места, а потом, засучив рукава, помогала подавать подносы с едой пришедшей служанке, в конце взяв в руки пахту, по порядку ставила перед каждым человеком.

Тетя Гэ молча изумилась, думая, что все-таки она была дочерью госпожи Сяо и генерала Чэна, пусть и держала ее Гэ-ши десять лет около себя, но все же ее манера держаться была незаурядной – не заносчивая и своевольная, и не трусливая и жалкая, в ее внешности не было ни капли осторожности.

Госпожа Сяо по обыкновению хмурила брови, полагая, что Шаошан и Гэ-ши в конце концов ладили друг с другом в течение десяти лет, и так оставаться безразличной и равнодушной к произошедшему, неважно ненавидела она ее или все же не сердилась, было бессердечно с ее стороны.

Тетя Гэ повернула голову, потянула Чэн Ян, проникновенно сказала:

-Тебе не следует, едва услышав все эти речи, чувствовать смущение – ты попросту боишься, и из-за этого много людей будут рады ткнуть тебя. Тебе незачем опускать голову, вполне естественно, если родная мать разведется, вплоть до того, что вторично выйдет замуж, все это совсем не редкость, и это не твоя вина. Ты – дочь семьи Чэн, несмотря ни на что, сохрани это в памяти. Как я прежде обучала тебя? Принимай от родителей не только свое тело, но еще и моральные качества, если у отца и матери моральные качества надлежащие – ты хорошенько изучи их и следуй им, если же отцу и матери кое-чего недостает – пусть их поведение послужит тебе уроком. Запомни, твои слова и действия – это лучшее украшение твоего тела. А теперь подними голову!

Чэн Ян с усердием пыталась поднять голову с глазами, мокрыми от слез, и со старанием распрямила плечи.

Госпожа Сяо не смогла сдержать своего восхищения тетей Гэ, Шаошан же перестала про себя презирать эту семью. Изначально она думала, что способная породить подобную Гэ-ши семья – такого рода, что людишки в ней ничуть не лучше, но сейчас она поняла, что была недалековидна.

Тетя Гэ опять заговорила:

– Говорят, настоящие мужчины стремятся ко всем четырём сторонам света, возможно ли, чтобы дочь жила вечно привязанной к своим родителям? Ребенок вырастает, ему следует начать самостоятельную жизнь. Старшее поколение не сможет стать тебе опорой на всю жизнь. В молодости тете было невдомек, что когда-то в будущем наступит абсолютный беспорядок во всём в мире. Изучала в прошлом поэзию и прозу, никогда не понадобится, была вынуждена с твоим дядей тяжело трудиться, чтобы добывать еду для множества людей, каждый день беспокоилась о многом; и уж тем более не нужно говорить о твоей старшей тете. Разве могло прийти в голову, что с ней могут произойти такие ужасные бедствия? Однако она все же, стиснув зубы, выстояла и прошла через них!

Госпожа Сяо, до слёз растроганная, всхлипывая, проговорила:

– В то время, когда моя семья потеряла все, старшая сестра очень много принесла пользы семье Сяо.

Тетя Гэ потрепала ее по руке, повернувшись, продолжила говорить:

– Ян Ян, если вся твоя жизнь проходит без помех или препятствий – это благословение богов. Однако жизнь очень длинная, в ней будет очень много неожиданностей. Только лишь собственная твердая воля и здоровое тело помогут устоять тебе, и ты не испугаешься ни упавших гор, ни высохших морей, не говоря уже о том, что где угодно сможешь подобно большому дереву, не только подняться самостоятельно, но еще и защитить внизу малые и слабые деревца, цветы и травы с лианами. Разве ты так не рассуждаешь? Теперь в мире вот-вот настанет великое благоденствие, тебе лишь нужно будет усвоить три-четыре вещи от своей старшей тети, и тогда будущее твое будет безоблачным.

Шаошан в сердце испытывала благоговение перед тетей Гэ, но после взгляда на горько рыдающую рядом Чэн Ян, трясущую плечами и кивающую снова и снова, у нее заломило зубы и она пришла в ярость. Госпожа Сяо с улыбкой вытерла слезы, сказала:

– Старшая сестра, что за ерунду ты говоришь. Сейчас Ян Ян такая добрая и достойная, старшая сестра всему ее обучила и при этом не хвалит, – потом эти двое, скромно уступая друг другу, словно купцы, обменивались похвалами, Шаошан про себя закатила глаза.

После долгой болтовни тетя Гэ в итоге привлекла внимание к ключевому моменту, со слезами на глазах вверила Чэн Ян госпоже Сяо, медленно говоря:

– Кроме скромного жилья в деревне, ничего я не видела в своей жизни, не разбираюсь в столичных правилах, а ты не стесняйся, как следует обучи ее. Ян Ян хоть и глупенькая, однако она в состоянии быть скромной и послушной, не побрезгуй ею, – с этими словами, взяв руку Чэн Ян, она вложила ее в руки госпожи Сяо, и госпожа Сяо торжественно и серьезно ответила ей согласием.

Смотря на лицемерное поведение этих двух, Шаошан про себя вновь закатила глаза: это было так похоже на императора, поручавшего своих детей в Байдичэн*, тот тоже был таким.

*白帝城 báidìchéng-замок и храмовый комплекс на горе Байди, северном побережье реки Янцзы в уезде Фэнцзе на востоке города Чунцин в Китае. Имеется в виду историческая аллюзия, описанная в «Романе о трех царствах», в которой император Лю Бэй был тяжело болен в Байдичэне после того, как потерпел неудачу в битве при Сучжоу, в Байдичэн он затребовал Чжугэ Ляна и доверил ему своего сына, Лю Чаня.

Опасаясь, что в будущем им трудно будет увидеться, Чэн Ян этим вечером решила остаться в компании тети Гэ поговорить обо всем. Госпожа Сяо увела Шаошан за собой, в пути призывая ее накрепко запомнить мудрые изречения тети Гэ; по правде говоря, Шаошан изначально была полностью согласна со словами тети Гэ, но из-за того, что госпожа Сяо много раз нудно повторяла это, ей наскучило, спешно заговорив, она перебила ее:

–...лучше нам пойти и найти батюшку, чтобы пойти и согласно правилам приличия поприветствовать семью дяди Гэ. А как же старый господин? Я пока не выполнила перед ним долг вежливости, почему он в такую рань пошел отдыхать?

Госпожа Сяо скривилась, сказала: «Забудь об этом». Старый господин редко и мало спит. Какой отдых? Сейчас он определенно вразумляет дочь.

Шаошан, добившись своего в пресечении поучений госпожи Сяо, уже была на пути из гостевого домика к большим воротам, повернувшись, посмотрела назад, как вдруг увидела, что за домиком, где проживала тетя Гэ, восточнее, через три-четыре промежутка, за низкорослыми кустами, в другом домике еле-еле теплился свет лампы.

Старый господин Гэ в это время действительно наставлял свою дочь.

Гэ-ши рыдала в голос, по всему лицу текли слезы и сопли, почти стерев всю лекарственную мазь, недавно нанесенную на пострадавшую щеку, не останавливаясь, кланялась в землю, прося пожилого отца:

–...отец, действительно ли ничего не поделать? Я, я не хочу позволять им разрывать брак! Я действительно не понимаю, почему Вы не заставили племянников поступить в университет, собираясь отдельно нанести визит наставнику, я все же считаю, что это была та сучка...а-а, жена старшего из братьев ставила палки в колеса...

Выражение лица старого господина Гэ было холодным:

–Ты теперь значит раскаиваешься? Поздно сожалеть. Тебе не нужно удивляться, что Сяо-ши подкупила твою кормилицу, это хорошая вещь, если подумать. Предположим, что ты действительно бы натворила что-то необратимо, в таком случае неужели Сяо-ши согласилась бы тебя отпустить, пощадила семью Гэ? Этим вечером, я пришел сюда сказать тебе, что завтра, рано утром, мы отправимся в обратный путь, поэтому, когда придет время, тебе не следует плакать и скандалить, а нужно по-хорошему отправиться в дорогу.

Гэ-ши в большом испуге пронзительно вскричала:

-У отца такое жестокое сердце, что мне делать, когда я вернусь в деревню? Разве это не навлечет на меня насмешки? Семья Чэн вернула меня назад! Десятилетие такого тяжелого труда, без признания заслуг, я...

-Односельчанам и так все уже ясно, – холодно сказал старый господин Гэ, – столько лет быть замужем в семье Чэн, и не понимать, как может поступить с тобой генерал Чэн? Или же ты полагаешь, что он сохранит твое лицо? Сообщить мне информацию прибыл личный приближенный генерала Чэна, большие и малые твои дела, все было рассказано.

Гэ-ши потеряла дар речи, бормоча «все это знают», она с детства старалась быть первой, и перед родными и друзьями была издавна высокомерна, теперь утратив лицо и таким образом растеряв все свое нахальство, она еще более не была согласна вернуться на родину.

-Я не вернусь, я не хочу возвращаться! – вдруг как помешанная стала орать Гэ-ши, старый господин Гэ залепил ей пощечину, сила ее была не велика, однако Гэ-ши пришла в сознание.

Он сказал:

-Ты считаешь, генералом Чэном можно также помыкать как Цзы Жуном. Ты не уйдешь, ох-х... Когда-то воспользовавшись неразберихой, кто-то захватил силой пашни и поместья семьи Сяо – те несколько семей, что сделали это, где они сейчас? Почему они ушли? Если ты сейчас не уйдешь, он пошлет свои войска сопроводить тебя под стражей! Используя плетку, он насильно тебя переселит, используя палку, он задаст тебе хорошую трепку! Ты хочешь таким образом полностью потерять свое лицо?!

Гэ-ши закрыла глаза, в душе она опасалась подобного:

-Не дойдет до подобного... семья Чэн не обойдется так со мной, и пусть даже деревенские осудят...

-Считай, что это не семья Чэн, я хочу, чтобы ты вернулась, – горестно вздохнул старый господин Гэ, – когда стегают коров и овец, они знают, как защищать своих детенышей; когда охотятся на самок, они знают, как собой загораживать путь, чтобы их детеныши могли быстро убежать. Разве не ты в прошлом была недовольна, когда у Сяо-ши родилась двойня? Тогда использовав как предлог слова шамана, объясняя, что Ян Ян принесет несчастье твоему ребенку, недрогнувшей рукой ты отослала ее в родительский дом. Твоему дитю только-только исполнился полный год, спеша отправить её в такую дальнюю дорогу, тебе не было ее жаль, тогда как мое сердце холодело от ужаса! Ты прежде не понимала преданности в сердце родителям и старшему брату, я считал, это потому что ты маленькая и глупая; однако сейчас я не могу больше снова обманывать себя!

Гэ-ши встала на колени перед отцом, схватившись за подол его одежды, она беспрерывно говорила:

- Это не так, не так...

-Ты не только холодна и неудачлива, но еще и жестокосердная! – старый господин Гэ продолжил говорить: – Семья Тянь нищая, они все время опирались на материальную помощь семьи Чэн, дети семьи Тянь с пеленок находились рядом с генералом Чэном, а после того как он взялся за оружие – всегда были непоколебимо преданы ему. Как же умер один из них? Из-за того, что генерал Чэн был в арьергарде, он погиб пронзенный множеством стрел! И среди остатков мятежной армии после него не осталось даже косточек!

Лицо почтенного господина было залито слезами от сказанных им слов:

-Генерал Чэн, соболезнуя матери чужой семьи и его супруге, из-за их доброго характера, пожаловал им целое состояние из золота и серебра, лишь опасался, что найдутся люди, пытающиеся отобрать все, сразу же взял их под покровительство армии, лишь ожидая, когда Тянь Дин достигнет совершеннолетия и вступит в наследование, все эти события мы, деревенские, не знали и боялись восхвалить щедрое отношение генерала Чэн к людям! Однако ты, ты...

Старый господин Гэ вспыхнул:

-В тот год генерал Чэн послал своих людей в столицу, думая забрать свою дочь, ты, заручившись поддержкой, воспрепятствовала этому, супруга семьи Тянь возмутилась этому, рассказывая и объясняя, что ты не права. А ты собралась продать оставшихся вдов и сирот, это истинно зверское поведение! Ты полагаешь, что никто об этом не знает? Несколько лет назад вдова Тянь Дина вторично вышла замуж, семья ее второго мужа живет неподалеку, как такая новость не выйдет наружу? Все деревенские поносят тебя как тварь! И то, что ты перестала принадлежать семье Чэн, лишь заставит селян сильнее обрадоваться!

Гэ-ши сильнее схватила подол одежды отца, не желая отпускать его, рыдала:

-Неужели ты позволишь этим двум мерзавкам испортить мне репутацию снаружи!

Старый господин Гэ отшвырнул ее пинком, ругаясь, проговорил:

-Во-первых, ты думала воткнуть собственных людей в поместье, женщины из семьи Тянь мешали тебе это сделать, поэтому ты намеревалась избавиться от них! Во-вторых, разве возможно, чтобы они ошибались? Ты напрасно задерживала у себя дочь генерала, ты только и думала, как бы в душе наказать побольнее Сяо-ши! Такая злость и подлость – редкость в мире!

Гэ-ши ничем не могла опровергнуть этого, ей только и оставалось прижаться к полу и громко плакать.

Старый господин Гэ тяжело вздохнул:

-В течение долгих лет ты своими поступками действовала наперекор мне и была непочтительна к родителям; ты командовала старшим братом и его женой, воровала у генерала Чэна и его жены, а это неуважение; ты сеяла раздор в доме своего мужа, издевалась над мужем, как над дураком; жаждала богатств и почета и, опираясь на имя генерала, повсюду собирала деньги, присваивая их! Такая порочная, мне стыдно вместо тебя! И если ты не уедешь добровольно – завтра я свяжу тебя и ты все равно поедешь!

Гэ-ши, видя решительное поведение старого отца, пала духом, не понимая, что делать дальше.

<http://tl.rulate.ru/book/77281/2859321>